

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ЕДИНИЦ СИНТАКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Изменения, происходящие в языке, стимулируются самыми различными факторами, среди которых значительное место занимают социальный, культурный, функционально-стилистический. Очевидно, что подлинное понимание феномена языковой эволюции возможно лишь при учете как внутриязыкового (системного), так и внеязыкового (социального) факторов. Языковые изменения являются результатом действия, а в ряде случаев и противодействия внутриязыковых (системных) и внеязыковых (социальных) факторов. На каждом определенном этапе существования языка удельный вес внутренних и внешних факторов может быть разным, однако постоянным оказывается их влияние на языковую систему. О том, что какое-либо изменение действительно становится фактом языка, а не является единичным случаем употребления в результате оговорки или незнания правила говорящим, лучше всего можно судить по письменно зафиксированным данным, по текстам, так как письмо по происхождению и назначению есть фиксатор не мысли непосредственно, а языка.

Текст как единица высшего языкового уровня и инструмент коммуникативной деятельности человека является объектом и предметом лингвистического изучения. Этапы исследования этого феномена соответствуют прежде всего общенаучным тенденциям, которые утверждались во второй половине XX – начале XXI века: системно-структурной, коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной. Находясь в русле этих тенденций, наука о тексте ставила свои задачи, которые были продиктованы многоаспектностью явления «текст» и необходимостью выработать направления и методы для его исследования. Коммуникативно ориентированная лингвистика придерживается понимания текста как функциональной системы, отражающей тенденции коммуникативно-речевой деятельности. «Текст понимается сегодня как иерархическое единство высшего ранга, многоаспектное, многомерное и многофункциональное системное образование, в котором сочетаются характеристики сложного знака и коммуникативного целого» [1, с. 23].

Выдвижение текста в качестве главного объекта исследования не только филологии, но и других гуманитарных наук связано с растущим вниманием к личности человека, «к концепции антропоцентризма» [2, с. 14]. «Текст», подчеркивает М.М. Бахтин, это первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [3, с. 292]. Глубоко анализируя текст как объект филологической интерпретации, Е.А. Гончарова подчеркивает, что интерес к тексту «можно считать логическим продолжением функционально и коммуникативно ориентированного изучения языка, у истоков которого стоят с одной стороны Ф. де Соссюр с его теорией антиномии языка и речи, а с другой – Пражский лингвистический кружок, сделавший центральным предметом своих наблюдений функционирование языка как

действующей в неразрывной связи с его носителем-человеком и открытой коммуникативным обстоятельствам системы» [4, с. 5].

Итак, текст – динамическая единица, организованная в условиях реальной коммуникации. Он создается при наличии определенной целеустановки и функционирует в определенных коммуникативных условиях. И.Р. Гальперин дает следующее определение понятию «текст»: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [5, с. 18–19].

К.Э. Штайн рассматривает текст как «гармоническое единство, представляющее в единстве горизонтальных и вертикальных связей...»; как «гармоничную систему, в которой все приведено в соответствие, и проникнуть в эту гармонию можно только создав столь же гармоничное устройство, способствующее его раскодировке» [6, с. 4]. Исследователь обращает внимание на особый «эстетический строй» художественных произведений, позволяющий авторам, используя одни и те же слова, создавать индивидуальные художественные миры.

В.П. Литвинов под текстом понимает «самостоятельный феномен человеческого мира, который анализируется как материализованный смысл... Автор создает текст, но только читатель делает текст тем, что он есть на самом деле, то есть создает своим отношением феномен текста...» [7, с. 257]. По мысли исследователя, наибольшую значимость при определении понятия «текст» имеет читательская интенция, т. е. «для читателя текст существует в настоящем как написанный в прошедшем» [7, с. 284].

Немецкий лингвист Клаус Бринкер дает тексту следующее определение: «Text ist eine (schriftlich) fixierte sprachliche Einheit, die in der Regel mehr als einen Satz umfasst. In der Alltagssprache wird eine Satzfolge nur dann als Text bezeichnet, wenn sie in inhaltlich-thematischer Hinsicht als zusammenhängend, als kohärent interpretiert werden kann» [10, с. 10]. Таким образом, текст, если рассматривать его в системе обобщенных функциональных категорий, квалифицируется как высшая коммуникативная единица, состоящая из коммуникативно-функциональных элементов, организованных в систему для осуществления коммуникативного намерения автора текста соответственно речевой ситуации.

Художественный текст по Ю.М. Лотману – это «... определенная модель мира, некоторое сообщение на языке искусства, обладающее свойством превращаться в моделирующие системы» [8, с. 130]. В соответствии с данным утверждением обратимся к мнению Л.Я. Гинзбурга о том, что художественный текст формируется образом автора, его точкой зрения на объект изображения [9, с. 107], то есть в тексте литературного произведения автор выражает свое восприятие мира и дает свою оценку окружающей действительности. Одна из главных задач литературы –

обращение к тексту как к продукту человеческой мысли и установление духовной преемственности между прошлым и настоящим. Литературное произведение не монумент, монологически раскрывающий собственную вневременную сущность, а скорее оркестровка, рассчитанная на новое звучание в каждом новом исполнении. Оно освобождает текст от материи слов и дает ему возможность нового (современного) существования [1]. Можно утверждать, что художественный дискурс характеризуется неоднозначностью семантики, множественностью интерпретаций. Эта множественность возможных толкований зависит от ряда причин, например таких, как многогранность художественного образа, различие кодов читателя и писателя, социально-исторических, культурных и языковых изменений, через которые проходит литературное произведение на пути к читателю. Читатель, интерпретируя текст, основывается на культурных традициях своей эпохи; используя знания «вертикального контекста» (О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет), свой «тезаурус» (З.Я. Тураева), он глубже проникает в тот «глубинный пласт этической национальной картины мира» (Е.И. Диброва), который запечатлен в художественном тексте.

Особое внимание исследователей вызывает оппозиция текст – дискурс. Оба термина являются объектом исследования ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка (лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии).

Ссылаясь на работы Д. Манженэ, П. Серио рассматривает восемь дефиниций дискурса, называя наиболее употребительными четыре значения данного понятия.

С одной стороны, дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, и вследствие этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида: «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [11, с. 136–137]. Следует, однако, заметить, что Э. Бенвенист был одним из первых, кто придал слову *дискурс* терминологическое значение и определил его как «речь, присваиваемую говорящим» [12, с. 296]. С другой стороны, реальная практика современного (с середины 1970-х гг.) дискурсивного анализа сопряжена с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого, прежде всего, через обмен репликами; тем самым реально описывается некоторая структура диалогового взаимодействия, что продолжает вполне структуралистскую линию, начало которой было положено Харрисом, который трактовал это понятие довольно просто: как последовательность высказываний, отрезок текста больший, чем предложение. В концепции З. Харриса дискурс рассматривался на основе сети эквивалентности между фразами и цепочками фраз как высказывание, сверхфразовая единица в контексте других единиц и связанной с ними ситуации. При этом, однако, он подчеркивал динамический характер дискурса, что различает понятия дискурс и традиционное представление о тексте как о статической структуре. В.З. Демьянков подчеркивает, что концепция З. Харриса нацелена на решение двух взаимосвязанных проблем: а) распространение методов дескриптивной лингвистики за пределы отдельно взятого предложения; б) соотнесение культуры и языка, т. е. языкового и неязыкового поведения [13, с. 36].

Большой энциклопедический словарь дает следующее толкование термина «дискурс»: «...вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности» [14, с. 257]. Греческий аналог данного термина встречается уже в античности в трудах Платона и Аристотеля. Теория дискурса в философской концепции конституируется в качестве одного из важнейших направлений постмодернизма, методология которого оформляется на пересечении постмодернистской философии языка, семиотики, лингвистики и когнитивизма, приближаясь к одному из ключевых понятий постмодернизма – трансгрессии. Именно в таком широком понимании дискурс является сложной, вариативной и дифференцированной практикой, подчиняющейся доступным анализу правилам и трансформациям в зависимости от доминирующего в обществе типа рациональности.

Как уже отмечалось, термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Примечательно, что исследования текста первоначально назывались *суперсинтаксисом* (В. Дресслер), *макросинтаксисом* (З. Харрис),

гиперсинтаксисом (Б. Палек) в рамках грамматических учений, позже *транслингвистикой*. Своеобразным центром исследований текста принято считать Германию, однако интерес к тексту в той или иной мере проявлялся и в филологических школах многих стран мира. Изучение текста обусловило расширение состава текстовых категорий за счет коммуникативных.

Содержание текста эксплицируется в языковых средствах, имеющих дискретный и линейный характер, которые не находятся во взаимнооднозначных соответствиях с семантическими явлениями, поскольку семантика текста складывается в сложный информативный комплекс. Этот семантический комплекс возникает в соответствии с замыслом автора текста, его целями и условиями коммуникации. Художественный текст, в свою очередь, обладает особенностями, свойственными тексту вообще. Однако он имеет и специфические признаки, отличающие его от текстов нехудожественных. Организации художественного текста присущи особая сложность и полифункциональность, в нем активно используются те аспекты, которые в других видах речевой коммуникации остаются ненагруженными, иррелевантными, в результате чего структура художественного текста приобретает многослойность. Художественные тексты в данном исследовании не предстают гомогенными образованиями, т. к. они создаются различными авторами с индивидуальными предпочтениями в выборе модели построения текста и в специфическом отборе средств языкового воплощения, что позволяет говорить о художественных дискурсах. Входя в сферу синтаксической стилистики и попадая в авторский отбор, единицы синтаксического уровня реализуют весьма значимые текстообразующие функции и способствует дифференциации текстов по критерию индивидуально-авторских стилей.

Синтаксис традиционно определяется как раздел грамматики, изучающий словосочетания и предложения. В современной лингвистической теории к синтаксису относят также единицы и образования, выходящие за пределы предложения. Такие единицы в различных трактовках получают разные названия, например, «сверхфразовое единство», «сложное синтаксическое целое», «текст». Уже сказанное выше позволяет констатировать тот факт, что «синтаксис» не существует в чистом виде без учета его связи с философией, теорией речевых актов, дискурсивным анализом и т. д. О.А. Кострова в своей работе «Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка», ссылаясь на работы F. Hundsnurscher, приводит до десяти вариантов синтаксиса: функциональный, эмпирический, генеративный, валентный, прагматический, трансформационный и т. д., что подтверждает факт возникновения новых синтаксических теорий в лингвистике [15].

Предложение является минимальной речевой единицей, в которой выражаются наши мысли и с помощью которой люди могут общаться друг с другом. В этом смысле предложение выступает как высказывание. Чаще всего в процессе коммуникации человек выражает свои мысли не одним предложением. В этом случае общая последовательность предложений и

является высказыванием, и предложение выступает как компонент высказывания, его составная часть [16, с. 213]. Предложение как носитель признака предикативности противопоставлено словосочетанию – синтаксической конструкции, образованной на основе соединения знаменательных слов с помощью отношения синтаксического подчинения. В отличие от словосочетания прагматический потенциал предложения выше, поскольку предложение предназначено для описания некоего положения дел как целостного блока элементов ситуации. В отличие же от текста привязка к коммуникативно-прагматическому контексту лишь в некоторой степени характеризует предложение, когда оно является одной из составляющих текста, а не выступает автономно (будучи потенциальным минимумом текста) в роли речевого акта, т. е. минимального дискурса. Но как раз эта способность быть возможным минимумом текста позволяет рассматривать предложение как единицу текста, т. е. как единицу, более близкую к тексту, нежели к словосочетанию, имеющую, как и текст, коммуникативную предназначенность и вместе с тем оформленную интонационно в рамках определенного дискурса.

Наличие предикативно связанных грамматических субъекта и предиката многие исследователи считают обязательным свойством предложения. Эти члены предложения квалифицируются как главные, поскольку они формируют предикативную основу предложения, его конструктивный минимум. Двумя основными членами предложения в синтаксисе изначально признаны подлежащее и сказуемое, в логике членами суждения – субъект и предикат. В этой связи традиционно сложившийся характер синтаксических исследований был ориентирован на двучленность всякой законченной мысли, образующей содержательное ядро предложения. Субъект и предикат формируют основу мысли, соответственно в предложении подлежащее и сказуемое создают предикативную связь как языковое выражение основы мысли. В общем плане предикация означает осуществляющееся суждение, которое воплощается в языковую форму предложения. С логической точки зрения всякое предложение должно представлять собой включение некоего мыслительного содержания в определенное суждение, т. е. являться элементом «рассуждения», неся в себе частицу нового как некий результат развивающегося на глазах знания. Но если все же иметь в виду, что язык в своем содержательном плане бесконечно сложнее того, что охватывают постулаты логики как абстрактной теории, то возможно считать, что не во всех случаях предикация в логическом понимании соответствует действительному смысловому содержанию речевого акта. Как правило, в осмысление чего-то, непосредственно воплощающегося в ходе коммуникации, может вклиниваться и вклинивается субъективно-оценочный смысл, т. е. тот аспект высказывания, с которым чистая логика не имеет дела.

И хотя постепенно росло стремление разграничить, с одной стороны, логический и грамматический субъекты, а с другой стороны, логический и грамматический предикаты, в традиционной грамматике прочно утвердилось

представление о двусоставности как о важнейшем признаке предложения. Достаточно четко эту исходную позицию обозначил в своей концепции синтаксиса немецкого языка В.Г. Адмони: «...немецкому языку присущ тип двусоставного предложения, т. е. предложения, характеризующегося наличием двух членов (составов), находящихся в предикативном отношении, каждый из которых выражен отдельным словом...» [17, с. 44]. При этом он выделил 4 (четыре) вида синтаксических отношений. «... Die prädikative Beziehung. Sie verbindet den selbständigen Nominativ, als das Subjekt, mit dem Verbum finitum, als dem Prädikat, oder durch Vermittlung des finiten Verbs mit den Nomina in verschiedener Form. Die Prädikative Beziehung hat eine entscheidende Bedeutung für die Struktur des Satzes, da sie und nur sie eine geschlossene, kommunikativ selbständige Fügung der Wörter bildet. Eben deswegen sind Subjekt und Prädikat die Hauptglieder des Satzes... Die attributive Beziehung. Sie entsteht zwischen dem Substantiv und den Wortarten und Wortformen, die das Substantiv bestimmen, indem sie zur Gruppe des Substantivs gehören und also von ihm syntaktisch abhängig sind... Die Objektbeziehung. Sie entsteht zwischen dem Verb und den vom Verb abhängigen Satzgliedern, die die Gegenstände bezeichnen, auf welche die vom Verb ausgedrückte Handlung gerichtet ist... Die adverbiale Beziehung. Sie entsteht zwischen dem Verb und den vom Verb abhängigen Satzgliedern, die den Vorgang irgendwie charakterisieren oder die Umstände angeben, unter welchen sich der Vorgang vollzieht...» [17, с. 223]. Автор фундаментальной грамматики немецкого языка Х. Бринкманн определил базовое свойство немецкого предложения как «Subjekt-Prädikat-Beziehung», сформулировав для него дефиницию: «die Grundbeziehung, die den Satz konstituiert» [18, с. 463].

В ходе многовековых исследований были получены важные результаты в отношении того, что представляют собой грамматические субъект и предикат в отличие от логических субъекта и предиката, в чем заключается языковая специфика предикативного отношения и предикации, какую роль играет в языке субъектно-предикатная (подлежащно-сказуемая) структура.

Минимальная единица, способная к выражению предикативности, – простое предложение. Оно характеризуется особой синтаксической и семантической структурой (предикативной конструкцией), особым порядком слов, интонационной моделью и актуальным членением; все эти признаки отличают простое предложение от единиц меньшей длины (и более низкого уровня структурной организации) – слова и словосочетания. Размер предложения как внешний структурный признак имеет большое значение, указывая на историческое варьирование и на функционально-стилистическую принадлежность синтаксической единицы. Каждому функциональному стилю свойственны свои особенности синтаксических построений, которые в художественном стиле могут обладать специальным стилистическим эффектом. В.Г. Адмони, исследуя проблему предложения, отмечает, что в историческом плане общая тенденция состоит в том, что объем цельного предложения несколько уменьшается за счет сокращения

количества и уменьшения объема элементарных предложений. Однако наблюдения и исследования индивидуальных стилей различных авторов указывают на то, что однозначных закономерностей здесь нет. Длина синтаксических единиц, будучи универсальным средством стилеобразования, по-разному используется в разных коммуникативных регистрах.

Как уже было отмечено выше, в синтаксической организации немецкого языка доминируют двусоставные предложения. На фоне двусоставных предложений именно простые односоставные предложения выделяются своей краткостью и лаконичностью, что оказывается интересным и продуктивным в функционально-коммуникативном плане, в т. ч. в ракурсе стилистики.

И.А. Щирова и Е.А. Гончарова утверждают, что наибольший эстетический эффект производят структуры, которые «сначала вызывают горизонт ожидания, насыщенный узнаваемыми, например, стилевыми или жанровыми, формами, а затем шаг за шагом этот горизонт разрушают» [1, с. 324]. Следует отметить, что большинство исследований эмоциональной экспрессии в языке проводилось в основном на лексическом материале. Исследование же вышеназванной проблемы на материале художественных текстов в аспекте синтаксиса создаст возможность более тщательного изучения этого типа текста и индивидуально-авторского стиля, в частности. В своей работе мы основываемся на том положении (высказанном, в частности, В.Г. Адмони, Х. Бринкманном и др.), что в основе синтаксиса немецкого языка лежит двусоставность предложения и разнообразные комбинационные возможности частей предложения. Возникновение же синтаксической экспрессивности, по мнению В.Г. Адмони, О.А. Костровой, О.И. Москальской, прежде всего, связано со структурными моделями предложения немецкого языка. Основные модели немецкого предложения достаточно четко описаны как в немецких грамматиках, так и в трудах отечественных лингвистов. Исследование частотности употребления той или иной модели может служить темой отдельного исследования и анализа индивидуального стиля конкретного автора. Но в стилистическом отношении такие модели нейтральны. Нас же интересовали, в первую очередь, синтаксические построения, приобретающие дополнительный потенциал выразительности.

Итак, односоставные предложения выполняют коммуникативную задачу языкового выражения некоторой мысли, но конституированы одним членом. На первый взгляд, имеет место явное несоответствие между двучленным составом мысли и одночленным предложением. В таком предложении вербально воплощается лишь один из его главных конститuentов или логико-синтаксических составов, на основе чего в языковой теории и сложилась проблема односоставных предложений.

Мнения в подходах лингвистов к данной проблеме носят разноречивый характер, вплоть до крайних точек зрения: либо законченная мысль, воплощаемая предложением, не обязательно двучленна, либо односоставное образование не выражает законченной мысли и поэтому не может считаться

предложением. Дискуссионность проблемы подробно освещается, в частности, А.А. Меграбяном, В.Г. Адмони и другими учеными. Прежде всего, критикуется попытка поставить под сомнение двучленный состав структуры мысли как связывания «чего-то» с «чем-то», необходимого для самого протекания мыслительного процесса. В.Г. Адмони дает в этой связи трактовку понятия «мысль», в которой он усматривает осуществление связи элементарных когнитивных образований: «...акт мысли обязательно предполагает активное динамическое соединение, связывание двух компонентов – того, о чем сообщается в первом компоненте, и того, чем определяется первый член мысли» [17, с. 39]. Аналогичная точка зрения широко представлена не только в лингвистической, но и в психологической, а также философской литературе. Например, известный психолог и философ С.Л. Рубинштейн кодифицировал ее следующим положением: «...мышление совершается на основе двучленной грамматической схемы предложения как высказывания чего-то о чем-то...» [19, с. 166–167].

Однако при всем этом в языке, бесспорно, существуют односоставные предложения, которые могут быть объединены под таким названием на уровне гипертипа, поскольку имеется несколько типов односоставных предложений с различным структурно-синтаксическим оформлением. На это обстоятельство лингвисты особо обращали внимание. В 60-х гг. Н.М. Александров, например, подчеркнул фактически общее мнение, сохраняющее актуальность и на сегодняшний день, согласно которому «к односоставным предложениям относятся предложения различных типов... Хотя в вопросе о том, каких и сколько, среди лингвистов нет единодушия» [20, с. 11]. Не сформировалась единая позиция, как в отношении формы, так и в отношении содержания, тем более коммуникативно-стилистического статуса этих образований на фоне того, что языковой материал демонстрирует многообразие проявлений односоставности предложения.

В качестве объекта исследования в данной работе нами избрано «номинативное предложение» – тип односоставных предложений, единственный конститутивный член которых представлен именительным падежом существительного. Характер законченности такого предложения как высказывания отмечен в графическом отображении знаком препинания – точкой, а для слухового восприятия в речи (что, несомненно, имеет место, хотя сам вопрос заслуживает дополнительного исследования и обоснования) – интонационно. «In summarischer Charakterisierung enthält der Nominalsatz ein Nominalprädikat ohne Verb und ohne Kopula, und er wird im Indoeuropäischen als normaler Ausdruck dort betrachtet, wo eine eventuelle Verbalform in der 3. Person Präsens Indikativ von *sein* gestanden hätte» [21, с. 328]. Номинативное предложение – это односоставное предложение, главный член которого представлен именительным падежом существительного. Собственно номинативными предложениями считаются такие предложения, которые служат утверждению наличия в речевой ситуации ранее не названного, словесно не обозначенного компонента мысли и тем самым выявляют и передают сам акт его осознания. Ф. Зиммлер различает односоставные и

многосоставные номинативные предложения. Например: «Tor!», «Schön» «Ein Mann – ein Wort», «Das weite Tal hinauf und hinab eine stürmende See im Sausen des Windes».

Можно полагать, что по своей изначальной функции номинативное предложение должно было служить цели утверждения через номинацию бытия или наличия какого-то предмета, т. е. являться бытийным предложением (*Existentialsatz* в немецкой терминологии). Но в процессе языкового развития и функционирования номинативное предложение выработало ряд подтипов и разновидностей, а возможности лексико-семантического наполнения и дискурсивной реализации такого предложения становились шире, и сами номинативы оформляли и оформляют не только предметные объекты, но и чувства, отношения, оценки, действия, состояния, свойства, целые ситуации действительности.

В лингвистической литературе существуют работы, посвященные данному типу односоставных предложений, но почти все они выполнялись на базе русского языка. Достаточно в подтверждение перечислить хотя бы некоторые из выполненных работ: А.В. Бельский «Опыт экспериментального исследования интонации номинатива в функции предложения», В.П. Шутова «Семантические типы номинативных предложений в современном русском языке», Б.П. Ардентов «Номинативные предложения в современном русском языке», А.С. Попов «Номинативные предложения и сходные с ними по форме синтаксические конструкции в современном русском литературном языке», С.И. Груздева «Номинативные предложения в современном русском языке» и др.

На материале других языков имеются лишь отдельные исследования односоставных предложений, включая и номинативные, как, например, в кандидатских диссертациях: В.А. Белоусовой «Односоставные предложения в современном английском языке», С.В. Палятинской «Номинальные предложения в современном французском языке», А.П. Комарова «Неполные предложения в современном немецком языке», С.А. Сурковой «Односоставные предложения и родственные им по смыслу конструкции в современном немецком языке». Названные исследования посвящены не собственно номинативным предложениям, они более широко исследуют односоставность. И лишь диссертация Г.Е. Каган «Номинативные предложения в современном немецком языке» затрагивает рассматриваемый объект непосредственно, притом, что выполнена она с преобладанием в анализе литературоведческого уклона. В немецкоязычных грамматиках и стилистиках немецкоязычных изданий данный вид предложений упоминается фрагментарно.

Исходя из вышесказанного, правомерно утверждать, что разработка вопроса о номинативном предложении в диапазоне проблематики соотношения структурной организации предложения как коммуникативной единицы языка в его дискурсивной реализации, без сомнения, заслуживает исследовательского внимания. Она логично вписывается в то направление современных лингвистических исследований, которое сформировалось как

функционально-коммуникативное описание языка еще в 80-90-е гг. («Funktional-kommunikative Sprachbeschreibung»).

Общий принцип осмысления сути исследуемого типа односоставных предложений состоит в том, что хотя один из основных компонентов структуры и содержания предложения не имеет вербального выражения, он, тем не менее, присутствует в сознании инициатора высказывания в момент производства речи в рамках определенного дискурса. Каждый дискурс конкретен, и его языковое воплощение должно в воспринимаемом контексте описания адекватно распознаваться реципиентом. Односоставное предложение, включаясь в речь как высказывание с одним эксплицитно представленным компонентом структуры, по-особому соотносится с речевой ситуацией: инициатор высказывания, избирая данную форму языковой передачи, закладывает в нее прагматическую цель, сводящуюся к тому, чтобы реципиент «увидел» и второй компонент высказывания, ассоциативно восприняв его как единственно адекватный для осмысления ситуации. Словесно не обозначенное «нечто» не есть неосознаваемое, и в осознанное оно переходит как раз через ассоциативное связывание с тем, что обозначено в языковом отражении. Это значит, что невыраженный компонент проецируется на восприятие самим актом коммуникации, точнее его инициатором.

Номинативное предложение, беря на себя функцию выражения мысли через название некоего предмета, попадает под действие закона предикации. В нашем понимании номинативное предложение – это такая единица, в которой на первом плане в одинаковой степени взаимодействуют и номинация, и предикация. По разворачиванию содержания текста некий предмет или явление получает свое обозначение, но дополнительная номинация в форме номинативного предложения уже включает в себе ориентацию на какой-то признак ранее обозначенного, подлежащий особому выделению. Это выделение происходит как за счет единичного номинатива, так и за счет цепочки номинативных предложений, которая вносит многообразную семантику в выделяемый признак. Здесь уже происходит взаимодействие семантики и стилистики, т. е. дополнительное обозначение признака вписывается в художественном тексте в многообразии стилистико-смысловой палитры.

Поскольку бесспорной классификации номинативных предложений не существует, то наиболее адекватным признается комбинированный тип классификации, т. е. такой, в основе которого находились бы критерии семантико-функциональный с опорой на семантику номинативного предложения и коммуникативно-прагматический с опорой на цель его использования в текстопостроении. По семантико-функциональному критерию классификация исходит из универсального семантического свойства – бытийности номинативных предложений как утверждения наличия или бытия предмета, факта, события и проч. Однако при этом не только утверждается бытие, но и передается интенционально-обусловленная

характеристика – оценка, вследствие чего вторым общим семантическим свойством номинативного предложения в работе считается оценочность.

Итак, по семантико-функциональному критерию выделяются бытийные номинативные предложения преимущественно объективной констатации, бытийно-оценочные номинативные предложения с участием стилистического фактора, оценочно-бытийные номинативные предложения с преобладанием стилистического фактора. К данной классификации целесообразно присоединить еще и классификацию по цели высказывания, различающую повествовательные, вопросительные и восклицательные предложения. Вопросительные номинативные предложения соотносятся с разновидностями как бытийных, так и оценочных, что же касается восклицательных номинативных предложений, то в них имплицировано проявление эмоций, реакций, чувств, вследствие чего они в основном соотносятся с оценочно-бытийными предложениями.

Общая типовая черта – безглагольность номинативного предложения означает отсутствие того состава предложения, специфика которого заключается в выражении процесса. Представленный член номинативного предложения называет, по сути, предмет, однако этим предметом может быть и процесс в случаях субстантивированного инфинитива, отглагольных производных существительных и т. п., из чего вытекает важное стилистическое свойство: номинативное предложение способно содержанием своей структуры представлять какой-то отрезок процессуальной действительности в виде отдельной «картинки», вырванной из процесса. Сам процесс продолжает составлять фон, с которым ассоциируется содержание номинативного предложения, т. е. то, без чего оно не осмысливалось бы. Стилистическая специфика заключается как раз в том, что центр тяжести переносится на фиксацию через опредмечивание некоего моментального кадра на уровне состояния, бытия вещи вне ее изменения.

Аналогия для проводимого языкового анализа касается отношения номинативного предложения к предшествующему тексту, и она особенно показательна в тех случаях, когда номинативные предложения организованы в последовательный ряд (ряд сменяющих друг друга картинок), о чем уже говорилось. Особенности построения и употребления такого рода перечислительных рядов описаны на материале русского языка, в частности в работах А.С. Попова и Т.Г. Почтенной. Для функциональной реализации немецкого языка они не менее релевантны, например:

Heidesheim, Kreuznach, Budesheim... Ein Gelände von Weinbergen und brachliegenden Äckern, Stacheldraht, achtundzwanzig Camps, breite Lagerstraßen, dreihunderttausend Gefangene [22, с. 538].

Malverbot. Berufsverbot. Vielleicht noch Eß- und Trinkverbot. Sie glauben selbst ja nicht, diese Narren [23, с. 31].

В обоих фрагментах ряды номинативных предложений выполняют текстообразующую функцию зачина или ввода, когда номинативное предложение открывает определенную структурную часть повествования, т. е. служит средством его экспозиции. Благодаря такому композиционно-

стилистическому приему сразу происходит ввод в ситуацию, будь то состояние окружающей среды, внутреннее переживание лиц, «картинка» быта и др. Номинативная экспозиция стимулирует появление большей или меньшей напряженности, иначе говоря, служит мотивацией ожидания. В такой роли могут выступать как одиночное номинативное предложение, так и перечислительный ряд из номинативов.

Об особенностях «начальной темы» и многогранности ее отображения в немецких текстах писала в своей работе Т.И. Сильман «Проблемы синтаксической стилистики». На материале русского языка это свойство номинативных предложений отмечает Г.Я. Солганик в работе «О структуре номинативных прозаических строф». Ниже приводится пример реализации номинативным предложением зачина в соответствующем текстовом фрагменте:

Peitschenknall von Karl Krüger. Sie nähern sich im Traube Blumenau. Septembersandwolken mülmeln hinter dem Jagdwagen... Das Kirschlöcklein bimmelt asthmatisch. Die Glockentöne kullern durch das Tal und schweben über Bienkopps Mergelwiesen... [24, с. 336].

В данном фрагменте напряженность, создаваемая одиночным номинативным предложением в зачине, очевидна. Последующие предложения авторского текста служат углублению характеристики фона, на котором происходит событие, сигнализированное зачином.

Но, открывая определенную структурную часть повествования, номинативное предложение реализует и дополнительную функцию – функцию композиционного членения художественного текста. А если используется ряд номинативных предложений, то осуществляется еще одна важная функция – создание определенной ритмики как черты архитектоники текстового повествования. Исследование этих функций уже достаточно долго и не случайно находится в сфере проблематики работ о средствах синтаксической организации немецкого художественного дискурса. Именно от прослеживания способов синтаксического оформления текста путь ведет ко всей художественной организации дискурса.

Следует отметить и такую стилистически значимую функцию, как использование номинативных предложений в качестве способа выражения композиционных связей, т. е. «скреп» между отдельными отрезками текста. При этом решается задача «сооружения логического моста» в виде номинативного предложения (или ряда) из одного фрагмента в другой, из одной части текста в следующие и т. д. Но если одно и то же номинативное предложение в последовательном развитии смыслового содержания употребляется в различных местах художественного текста, то оно осуществляет уже функцию лейтмотива, связанную с повтором и очень важную в текстообразовании.

Синтаксические единицы периферийного уровня проявляют свои дискурсивные свойства и в особом аспекте текстопостроения – в различных формах воплощения речи, таких как авторская речь (Autorensprache) и внутренняя речь лица (erlebte Rede). Если рассматривать передачу

внутренней речи лица, в которой объединяются несобственно-прямая речь и внутренний монолог, то номинативные предложения априори призваны играть в ее оформлении немаловажную роль. Это можно обосновать следующим: чем больше внимания и места уделяется передаче мыслей и переживаний персонажа, звучащих как речь внутри него, внешне не высказываемых, т. е. выражаемых как бы «услышанной» автором внутренней речью соответствующего лица, тем больше используются для построения такой речи разного рода эллиптические, односоставные предложения, как различные по структуре и цели высказывания, оттеняющие технику воплощения потока сознания, по определению авторов стилистики немецкого языка В. Фляйшера, Г. Михеля – «Bewußtseinstromtechnik» [25, с. 235]. Несобственно-прямая речь и внутренний монолог как передача невысказываемой речи сближаются по признакам того, что они, как правило, окрашены в эмоциональные тона (особенно ярко – несобственно-прямая речь) и используют синтаксические структуры, адекватные передаче такой окраски.

Иначе обстоит дело с авторской речью, в которой номинативные предложения должны гармонировать с повествовательной тональностью автора; при этом важно и то, что с их помощью в авторскую речь может вводиться по принципу соизображения сам автор как субъект высказывания. Такое переплетение как бы обеспечивает атмосферу непосредственного общения автора с персонажем. А в нужных случаях номинативное предложение, соответствуя этому, эффективно выполняет функцию «переключения» плана внешне выраженной речи автора в план внутренней речи лица (персонажа). В этом русле происходит слияние двух перспектив повествования – перспективы автора и перспективы действующего лица (персонажа), например:

Die Simson wird nachdenklich. Da sitzt sie und sitzt, schreibt und schreibt, schafft und schafft. Ärger und Kummer. Sie grämt sich um Bienkopp's Weibergeschichten. Notzucht, Kaleika und Unmoral! Bienkopp bleibt stur – ein Stein an der Schwelle [24, с. 398].

Сначала фрагменты констатируют ситуацию как некий психический процесс, совершающийся в сознании персонажа и описываемый автором. Эта характеристика дается от автора повествования, далее следуют переживания уже самого персонажа, сливающиеся в его внутреннюю речь. Тем самым совершается сдвиг от объективной авторской перспективы развития текста к субъективной перспективе лица. В художественном тексте принадлежность речи лицу (персонажу) маркируется не только специальными синтаксическими и лексическими средствами, но еще и пунктуационными знаками, которые достаточно отчетливо сигнализируют внутреннюю речь, что представлено в следующем фрагменте текста:

Bienkopp schläft ein, erwacht, schläft wieder ein und erwacht. Sein Leben ist in ein Loch gefallen. Windstille. Kein Hasten, kein Racksen, keine Fahrt in die Stadt, keine Kreistagssitzungen, keine Versammlungen [24, с. 57].

Особенностью проявления дискурсивных свойств номинативного предложения является то, что номинативные предложения существуют не иначе, как в контексте других предложений, создающих повествовательный фон. Как раз на таком фоне проявляются коммуникативно-стилистические свойства номинативных предложений, получающие отражение в том числе и в пунктуации, в способах присоединения к другим предложениям.

Если номинативные предложения пунктуационно маркируются восклицательным знаком, то это служит сигналом не просто напряжения, а неких сильных эмоций, переживаний, например:

Aber der Tag bleibt nicht groß. Die Eifersucht stößt Anngret wie das Bockslam die sonnenverträumte Vogelscheuche. Plötzlich sind Tränen da. Die främländisch-schwarze Frau! [24, с. 106].

Der reine Jammer! [24, с. 227].

Именно такого рода номинативные предложения, как правило, принадлежат несобственно-прямой речи. Сам знак препинания выявляет их предназначенность в отчетливом виде. В целом правомерно утверждать, что существенной особенностью номинативных предложений, отмеченных восклицательным знаком в несобственно-прямой речи, является высокий накал эмоциональности в их смысловом содержании.

Благодаря своей формальной безглагольности, а значит, отсутствию временной формы глагола, номинативное предложение, даже если повествование в целом ведется в плоскости прошедшего времени, способно создавать эффект времени настоящего, чем максимально приближает изображаемый фрагмент действительности вместе с субъектом высказывания (автором) к сознанию адресата. Здесь напрашивается стилистическая аналогия с «Präsens historikum». Тем самым становится правомерным следующее обобщение: номинативное предложение производит, благодаря своей безглагольности, т. е. отсутствию бесспорного маркера времени, эффект совпадения бытия отображаемой предметной сущности с моментом ее отображения, как прямого, так и косвенного через внутреннюю речь, с субъективно-оценочной реакцией на эту сущность. Например:

Holt lag unbeweglich. Die Erinnerung kehrte zurück. Die letzte Wache im Dorf. Der Kampf um die Schule. Die Slowakin. Das RAD-Lager. Gundel. Die Feuernacht im Wattenscheid. Er schloß die Augen [22, с. 393].

Settembrini sah ihn an. Er schien nicht zugehört zu haben. Heute morgen... Achtundzwanzig Fischsaucen! Nicht Saucen im allgemeinen, sondern speziell Fischsaucen, das ist das Ungeheuerliche [26, с. 120].

Несмотря на то что повествование в обоих фрагментах касается прошлого и развивается в прошедшем времени, что маркируется формой Präteritum, номинативные предложения явно создают эффект настоящего, т. е. они приближают внутреннее состояние изображаемых персонажей к реципиенту текста.

Характеристика общего стилистического потенциала номинативных предложений в рамках художественного дискурса позволяет включить в нее

ряд типических особенностей, определяемых как общезначимые стилистические функции этих предложений.

1. Предикация, имплицитруемая в номинативном предложении, реализуется как сама по себе, так и во взаимодействии с оценочностью, которая может быть сопутствующей и доминирующей, в связи с чем реализуемые высказывания относятся к бытийно-оценочному и оценочно-бытийному типу с целой палитрой нюансов. В собственно бытийных номинативных предложениях компонент оценочного отношения присутствует не явно, а в скрытом виде, т. к. на первом плане находится констатация бытия через номинацию, хотя сама номинация осуществляется по принципу выбора лексемы, т. е. именно со скрытым присутствием оценочного отношения.

2. Номинативное предложение в той или иной мере приближает мысли и личность лица, производящего речь, к ее адресату. Момент «соизображения» субъекта мысли и речи тем ярче, чем больше контекстный фон насыщает номинативное предложение субъективно-оценочным содержанием. Повествование при этом оформляется или от автора, или как бы от автора «в третьем лице», когда в действительности происходит переключение речи автора в план несобственно-прямой речи лица, т. е. речи внутренней.

3. В текстовой реализации номинативное предложение ориентировано содержанием своей грамматической формы – номинативом на представление отрезка действительности, отображенного в предтексте. Однако это может быть и отрезок действительности, фиксируемый по типу «моментального снимка», некоего объекта или факта, вырванного из процесса (из восприятия содержания).

4. Номинативное предложение выступает и в составе средств четкого композиционного членения художественного текста. С этим его употреблением связан ряд стилистических функций в выстраивании конкретных текстовых фрагментов (функция лейтмотива текста, функции зачина и концовки текстового фрагмента).

Собственно стилистические функции односоставного номинативного предложения оказываются многогранными и многозначными, базирующимися на взаимодействия и стилистики и лингвистики текста. Перечень возможных функций номинативного предложения в художественном дискурсе может быть представлен следующим образом:

1) функция соизображения субъекта речи как в авторской, так и (в значительно большей степени) во внутренней речи;

2) функция переключения из объективно-авторской перспективы повествования в субъективную перспективу лица при речевоплощении формами несобственно-прямой речи и внутреннего монолога, в которых, как известно, преобладают экспрессивно-оценочные компоненты;

3) функция кинематографической подачи отрезков действительности в виде отдельных кадров или «моментальных снимков», но с выбором номинаций, обуславливаемых интенцией автора или лица;

4) функция композиционного членения текста – обозначения зачина, концовки текстовых фрагментов, а также проведения через текст линии лейтмотива;

5) функция реализации совпадения момента бытия отображаемого факта с моментом его отображения, создающая эффект приближения текстового содержания и самого автора текста к адресату;

6) функция связи с предтекстовыми компонентами через актуализируемую предикацию;

7) функция представления ситуаций в виде калейдоскопов, реализуемая характерным в текстах явлением – перечислительными рядами из номинативных предложений с вариативностью их лексического наполнения;

8) функция языковой репрезентации «потока сознания» в частях текста с психологическим углублением во внутреннее состояние лица.

Данные функции признаются как общетекстовые и, соответственно, как общестилистические функции изучаемого явления. Множество же частных стилистических функций, представляющих собой реализацию специфических эффектов и окрасок, зависит уже от частных внутритекстовых факторов и частных интенций конкретных авторов, поскольку художественный дискурс не может пониматься как гомогенное образование в силу того, что он создается различными авторами с присущими каждому авторскими предпочтениями в выборе как модели построения текста, так и тех средств языкового выражения, которые в наибольшей степени удовлетворяют авторскому замыслу. Фактически это согласуется с проблемой дифференциации общего стиля художественной дискурса по индивидуально-авторским стилям, признаваемой современной стилистикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щирова, И. А. Осмысление проблем текста в науке: традиции и современность / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. // Текст в парадигмах современного гуманитарного знания / И. А. Щирова. – СПб. : Кн. дом, 2006. – 171 с.

2. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.

3. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин. – М. : Academia, 1997 – 400 с.

4. Гончарова, Е. А. Интерпретация текста : учеб. пособие по нем. яз. / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. – М. : Высш. шк., 2005. – 368 с.

5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.

6. Штайн, К. Э. Предисловие / К. Э. Штайн // Текст. Узоры ковра : сб. ст. / редкол.: К. Э. Штайн (отв. ред.) [и др.]. – СПб. ; Ставрополь : Изд-

во СГУ, 1999. – Вып. 4. – Ч. 1 : Общие проблемы исследования текста. – С. 4–5.

7. Литвинов, В. П. Мышление по поводу языка в традиции Г. П. Щедровицкого / В. П. Литвинов // Познающее мышление и социальное воздействие. Наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли / сост. М. Н. Кузнецова. – М. : Ф.А.С.-медиа, 2004. – С. 249–305.

8. Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.

9. Гинзбург, Л. Я. К вопросу об интерпретации текста / Л. Я. Гинзбург // Структура текста – 81 : тез. симп. / отв. ред. В. В. Иванов. – М. : Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1981. – С. 106–109.

10. Brinker, K. Linguistische Textanalyse : eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. – 5., durchges. und erg. Aufl. – Berlin : Erich Schmidt, 2001. – 165 S.

11. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Совет. энцикл., 1990. – С. 136–137.

12. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.

13. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – Киев : Брама, Изд-во Вовчок О. Ю., 2014. – 336 с.

14. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск : МФЦП, 2006. – 1008 с.

15. Кострова, О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учеб. пособие / О. А. Кострова. – М. : Флинта : Моск. психол.-соц. ин-т, 2004. – 240 с.

16. Москальская, О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка / О. И. Москальская. – М. : Академия, 2004. – 352 с.

17. Адмони, В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – М. : Просвещение, 1986. – 336 с.

18. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf : Pädag. Verl. Schwann, 1962. – 654 S.

19. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 423 с.

20. Александров, Н. М. О предикативном отношении : сб. ст. / ЛГПИ им. А. И. Герцена ; под общ. ред. А. М. Машкова. – Л., 1960. – С. 11–24.

21. Benvenist, E. Probleme der allgemeinen Sprachwissenschaft / E. Benvenist. – München : List, 1974. – S. 477.

22. Noll, D. Die Abenteuer des Werner Holt: Roman / D. Noll. – Berlin : Aufbau-Verl., 1984. – 577 S.

23. Lenz, S. Deutschstunde: Roman / S. Lenz. – München : Deutscher Taschenbuch Verl., 1997. – 449 S.

24. Strittmatter, E. Ole Bienkopp : Roman / E. Strittmatter. – Berlin : Aufbau-Verl., 1963. – 685 S.

25. Fleischer, W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel, G. Starke. – Frankfurt am Main : Verl. Peter Lang, 1993. – 340 S.

26. Mann, T. Der Zauberberg: Roman / T. Mann. – Berlin : Fischer Taschenbuch Verl., 1991. – 998 S.